

Как бы мы ни толковали смысл изображения великокняжеской шапки на монетах Грозного, несомненным остается одно: этот выпуск отразил сложную внутриполитическую ситуацию, в которой монеты играли весьма активную роль. О. И. Подобеда, изучившая иллюстрации Лицевого свода, сумела заметить, что некоторые художники передавали свое индивидуальное отношение к описываемым событиям вопреки официальному тексту.⁴² Может быть, в настойчиво повторяющемся изображении Владимира Андреевича Старицкого в непрменной великокняжеской шапке имелся свой подтекст, перекликающийся с выпуском монет 1554—1555 гг., на которых изображен ездец в великокняжеской шапке?

Нам представляется, что сделанные выше наблюдения над рисунками на монетах Ивана IV позволяют сказать, что памятники истории развития государственного строя России в середине и второй половине XVI в. дополняются новым нумизматическим источником, который не только отразил многие перипетии этого сложного и противоречивого периода русской истории, но и сам выступил в роли действенного инструмента внутренней политики.

А. А. ЗИМИН

ЗАПИСЬ О ДУШЕГУБСТВЕ¹

Запись о душегубстве — единственный дошедший до нас памятник XV в., специально посвященный вопросам суда московского наместника и удельных князей. Она изучалась давно и плодотворно. Особенно много сделано для ее всестороннего понимания учеными в последние десятилетия. М. Н. Тихомиров установил, что упоминаемый в Записи Иван Дмитриевич — не кто иной, как всецельный временщик малолетства Василия II И. Д. Всеволожский. Связав Запись с реформой великой княгини Софьи Витовтовны и И. Д. Всеволожского, он датировал памятник концом 20-х — началом 30-х гг. XV в.²

⁴² Подобеда О. И. Миниатюры русских исторических летописей, с. 154.

¹ Настоящая статья является фрагментом последнего, пока еще не изданного труда А. А. Зимина (1920—1980) «Феодальная война второй четверти XV столетия», состоящего из двух частей — исследования и справочника. Фрагменты разных глав первой части монографии опубликованы (см.: Зимин А. А. В борьбе за Москву (вторая четверть XV в.). — Вопросы истории, 1982, № 12, с. 75—90). Статья «Запись о душегубстве» входит в состав справочника, характеризующего комплекс документальных материалов эпохи и обобщающего их сведения о городах, исторических деятелях и соседях Северо-Восточной Руси периода феодальной войны второй четверти XV в.

² Тихомиров М. И. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957, с. 95—96.

Запись о душегубстве сохранилась в единственном экземпляре, находящемся в сборнике XV в. (ГПБ, Q. XVII, № 58). Подвергнув его палеографическому анализу, Л. В. Черепнина доказала, что сборник был составлен в середине XV в. Он также обратил внимание на то, что сборник содержал списки целого ряда духовных и договорных грамот великих и удельных князей, тесно связанных по содержанию с Записью. По мнению Л. В. Черепнина, Запись появилась в результате того, что в середине XV в. (до 1462 г.) был отредактирован некий судебник Софьи Вятковны.³ Г. В. Семенченко полагает, что Запись о душегубстве была составлена «незадолго до последнего московско-серпуховского докончания, оформленного после бегства Ивана Андреевича в Литву» (в 1454 г.).⁴ По мнению А. Л. Хорошкевич, «рассмотрение исторических судеб большей части упомянутых в ст. 1 Записи территорий показывает, что позднее 1436 г. сохранившийся текст Записи не мог быть составлен».⁵ Оставляя в стороне слова «большой части», обратимся к фактам.⁶ Автор считает, что еще до 1436 г. к Василию II перешел Звенигород и несколько позднее — Руза и Суходол. «Этим годом можно определить верхнюю дату составления памятника».⁷ Но Звенигород по докончанию 1454 г. принадлежал серпуховскому князю,⁸ а поэтому из факта перехода (временного) Звенигорода к Василию II в 1436 г. нельзя сделать вывод, что Запись о душегубстве должна была быть составлена до этого года. Она могла появиться и в 1450—1454 гг., когда город принадлежал серпуховскому князю.

А. Л. Хорошкевич обращает внимание на то, что в докончании Василия II с Василием Косым 1435 г. трижды говорится о Дмитрове, а так как в Записи речь идет о дмитровских волостях — Вохне и др., — то и это свидетельствует о раннем происхождении памятника (до весны 1435 г.).⁹ Но она сама же считает, что «территориально они не были связаны с Дмитровом»

³ Черепнина Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., 1951, ч. 2, с. 348—359. — В своей ранней работе я датировал Запись временем между 16 июля 1456 г. и 27 марта 1462 г., т. е. после ликвидации Серпуховского удела и до смерти Василия II (ПРП. М., 1955, вып. 3, с. 200—201). В настоящее время я считаю, что Запись могла быть составлена еще до присоединения Серпухова к Москве.

⁴ Семенченко Г. В. О датировке московской губной грамоты. — Советские архивы, 1978, № 1, с. 53—58.

⁵ Хорошкевич А. Л. К истории «Записи о душегубстве». — В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978, с. 195—196.

⁶ В примеч. 12 автор путает Городец на Волге с одноименной серпуховской волостью (путаница есть и в указателе к паданию духовных и договорных грамот). Серпуховской Городец входил в состав волостей кн. Василия Ярославича еще в 1454 г., а вот Городец на Волге — нет.

⁷ Хорошкевич А. Л. Указ. соч., с. 196.

⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подг. к печати Л. В. Черепнина. М.: Л., 1950, № 58, с. 180. — Далее: ДДГ.

⁹ Хорошкевич А. Л. Указ. соч., с. 196—197.

«и не всегда подчинялись... административно» Дмитровскому удельному княжеству.¹⁰ Если это так, то отпадает необходимость связывать упоминания в Записи о дмитровских волостях Вохне и других с судьбою Дмитрова.

Иное дело — докончание 1435 г. А. Л. Хорошкевич обратила внимание на его формулу, сходную с нормами Записи о душегубстве: «А которые суды издавна потягли к Москве из моее отчины, те и ныне потянут по старине».¹¹ Она отметила «исключительность появления этой статьи», ибо в других докончаниях Василия I и Василия II с галицкими князьями ее нет, хотя Звенигород и Руза находились в составе их удела.¹²

Появление статьи о «судах» в докончании 1435 г. объясняется судьбами Дмитрова, а не Звенигорода и Рузы. Только по этому докончанию с галицкими князьями великий князь уступал им Дмитров (в других договорах с ними о Дмитрове речи не было). Сохраняя подсудность Москве «дмитровских волостей», издавна тянувших судом по важнейшим уголовным делам к столице великого княжества, Василий II считал необходимым сделать в докончании 1435 г. об этом специальную оговорку. Именно передачей Дмитрова Василию Косому и объясняется появление статьи о «суде» тянувших «издавна» к Москве волостей (в первую очередь «дмитровских»). Датировать создание Записи о душегубстве эта статья докончания 1435 г. не может.

Вывод А. Л. Хорошкевич о том, что Запись была составлена «в связи с урегулированием вопроса о владении самим Дмитровым, по-видимому, в качестве приложения к докончанию весны 1435 г.»,¹³ остается недоказанным. «Вероятно, — продолжает А. Л. Хорошкевич, — и текст Записи дошел до нашего времени лишь потому, что принадлежал к галицкому архиву, тщательно скопированному В. Мамыревым, как и предполагал Л. В. Черешин».¹⁴ Впрочем, Л. В. Черешин только писал, что сборник с Записью написан на бумаге с теми же водяными знаками, что и октоих, переписанный В. Мамыревым.¹⁵ Формула же о судах, которые издавна «потягли к Москве», не является особенностью докончания с Василием Косым 1435 г., а встречается во всех докончаниях с серпуховскими князьями с 1396 по 1454 г.¹⁶

В сб. 58 помещены княжеские духовные и договорные, последние из которых по времени датируется 1439 г.¹⁷ Ряд доку-

¹⁰ Там же, с. 197.

¹¹ ДДГ. № 36, с. 104.

¹² Хорошкевич А. Л. Указ. соч., с. 198.

¹³ Там же, с. 197.

¹⁴ Там же, с. 197—198.

¹⁵ Черешин Л. В. Указ. соч., ч. 2, с. 352.

¹⁶ ДДГ, № 13, с. 38; № 58, с. 181.

¹⁷ К сожалению, в издании «Духовные и договорные грамоты» не учтены списки этих памятников, помещенные в сб. 58, если сохранились подлинники. Пропущен в издании противень докончания Василия II с Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным (Докончальная грамота великого князя Василия Васильевича с галицкими князьями. — АЕ за 1977 г. М., 1978, с. 353—356).

ментов сохранился только в составе сборника. Это два противня докончания Василия II с Василием Косым 1435 г.¹⁸ — противень от имени тверского князя Михаила Александровича докончания с Василием I, Владимиром Андреевичем и Юрием Дмитриевичем около 1396 г.¹⁹ и противень докончания Витовта с Иваном Федоровичем Рязанским²⁰ и Иваном Владимировичем Пронским²¹ 1427 г. (экземпляры от имени рязанского и пронского князей) — и докончание 1437—1439 гг. Василия II, Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного с Борисом Александровичем (экземпляр от имени вел. кн. Бориса).²² Основная часть указанных документов, как это и следует из наблюдений Л. В. Черепнина и А. Л. Хорошкевич, дошла до нас из состава архива галицких князей. Неясно только, как попали в сборник докончания рязанского и пронского князей.

Подлинники нескольких документов сохранились, а в сб. 58 помещены списки с них. Это — докончания 11 марта 1428 г. Василия II с кн. Юрием Дмитриевичем (оба противня в подлиннике),²³ докончание 1433 г. Василия II с Юрием (оба противня).²⁴ Докончание 13 июня 1436 г. Василия II с Дмитрием Шемякой дошло до нас в подлиннике (в двух экземплярах, каждый в двух противнях) и в сб. 58 (экземпляр II, противень от имени кн. Дмитрия Юрьевича без приписки 1440 г.).²⁵ В подлиннике сохранился текст докончания Василия II с Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным от 1434—1435 гг. (от имени Василия II)²⁶ с припиской 1440 г. и противень от имени обоих Дмитриев в сб. 58 (конца документа нет).²⁷ Наконец, в сборнике есть и копии духовной Дмитрия Донского 1389 г.²⁸ и второго завещания Василия I около 1419—1420 гг.²⁹ Наличие их в архиве галицких князей весьма вероятно (на завещание Дмитрия Ивановича ссылался Юрий в Орде в 1431—1432 гг.).

Итак, скорее всего документы сб. 58 восходят к архиву галицких князей (единственное исключение — рязанское и пронское докончания). Правда, несколько документов Юрия Дмитриевича в сборник не вошло, в частности завещание князя 1432—1433 гг.³⁰ Но оно сохранилось не в подлиннике, а в спи-

¹⁸ ДДГ, № 36, с. 100—105; Q.XVII, № 58, л. 233 об.—237, 48—51 об.

¹⁹ ДДГ, № 15, с. 40—43; Q.XVII, № 58, л. 51 об.—55.

²⁰ ДДГ, № 25, с. 67—68; Q.XVII, № 58, л. 47—48.

²¹ ДДГ, № 26, с. 68—69; Q.XVII, № 58, л. 65—65 об., 47 об.

²² ДДГ, № 37, с. 105—106; Q.XVII, № 58, л. 59 об.—61 об.

²³ ДДГ, № 24, с. 63—67; Q.XVII, № 58, л. 25 об.—26 об.

²⁴ ДДГ, № 30, с. 75—80; Q.XVII, № 58, л. 26 об., 29 об.—33 об. (оба противня).

²⁵ ДДГ, № 35, с. 89—100; Q.XVII, № 58, л. 55—59 об.

²⁶ ДДГ, № 34, с. 87—89.

²⁷ Докончальная грамота великого князя Василия Васильевича с галицкими князьями. — ДДГ, с. 353—356; Q.XVII, № 58, л. 37—38 об., 42 об. (без конца, кончается словами: «вотчине и великом княжении»).

²⁸ ДДГ, № 12, с. 33—37; Q.XVII, № 58, л. 42 об., 41—41 об., 40—40 об., 39—39 об., 46—46 об., 45—45 об., 44—44 об., 43.

²⁹ ДДГ, № 21, с. 57—60; Q.XVII, № 58, л. 43—43 об., 63—65 об.

³⁰ ДДГ, № 29, с. 73—75.

ске XV в. Возможно, перед нами документ московского, а не галицкого архива. Галицкий подлинник завещания, наверно, «сгиб» в «булгашное время».

Нет в сб. 58 и докончания Юрия Дмитриевича (с детьми) с рязанским князем Иваном Федоровичем 1434 г.³¹ До нас этот памятник дошел в списке конца XV в. Договор был составлен во время вторичного пребывания в Москве Юрия Дмитриевича как великого князя. Очевидно, подлинник документа и «застрял» в столице, так и не понав в галицкий архив.

Докончание великого князя Юрия с князьями Михаилом и Иваном Андреевичами 1434 г. дошло в подлиннике, составленном от имени Юрия Дмитриевича.³² Поэтому скорее всего речь должна идти о документе можайского архива.³³ Таким образом, в сб. 58 сохранились все известные нам докончания галицких князей, доходящие до 1439 г. (ни приписок 1440 г. на ранних докончаниях, ни договора Василия II с Дмитрием Шемякой 1442 г. в сборнике нет).³⁴

Л. В. Черепнин считал, что «сборник с Губной московской записью составлен в связи с оформлением духовной Василия II в 1462 г.».³⁵ Но состав актовых материалов сборника не подтверждает эту мысль. В нем односторонне подобраны материалы из галицкого архива до 1439 г. (скопированные скорее всего после падения Галича в январе 1450 г.), чем определяется время составления сборника (1439 г., а возможно, и 1450 г.). Палеографические данные также датируют сборник серединой XV в.

Ключ к пониманию времени и обстоятельств составления Записи о душегубстве находится в перечне тех городов и волостей, на которые распространялось ее действие. Г. В. Семенченко сравнил этот перечень с составом удела серпуховского князя Василия Ярославича, который включен в его докончание с Василием II. Этот договор датируется, по Л. В. Черепнину и Г. В. Семенченко, временем, последовавшим за ликвидацией удела кн. Ивана Андреевича, т. е. 1454 г.³⁶

В самом деле, общие города и волости имеют в памятниках сходное расположение:³⁷

Докончание 1454 г.	Запись о душегубстве
Серпухов	Серпухов
Хотунь	Хотунь
Перемышль	Перемышль
Городец	Городец
Звенигород	Суходол
Суходол	Звенигород

³¹ Там же, № 33, с. 83—87.

³² Там же, № 32, с. 82—83.

³³ Там же, № 38, с. 107—117.

³⁴ Там же.

³⁵ Черепнин Л. В. Указ. соч., ч. 2, с. 352.

³⁶ ДДГ, № 58, с. 179—186; Черепнин Л. В. Указ. соч., ч. 2, с. 152; Семенченко Г. В. Указ. соч., с. 53—58.

³⁷ Половина Щитова и Голицыцы тянули по завещанию серпуховского князя Владимира Андреевича (около 1408 г.) к Боровску, а Ростовец и другая половина Щитова — к Перемышлю (ДДГ, № 17, с. 46—47).

Упомянутые в Записи дмитровские волости (Вохна, Селна, Гуслица, Загорье и Рогож) находят параллель и в волостях, которые завещал вместе со Звенигородом кн. Юрий Дмитриевич своему сыну Василию Косому (Селна, Гуслица, Вахна, Загарье, Рогож и Куней).³⁸ Следовательно, их переход к Василию Ярославичу естествен, если к нему попал Звенигород.³⁹ Позднее, в конце 1503 г., эти волости («что были к Дмитрову приданы») считались уже московскими.⁴⁰

Есть некоторые трудности и при сопоставлении памятников. Так, в Записи упоминается Руза, которая по докопчанию 1454 г. оставалась за Василием II. Г. В. Семенченко дает этому весьма натянутое объяснение (Василий Ярославич «мог» претендовать на нее как на часть удела Дмитрия Шемяки). Неясно, почему в Записи отсутствует Боровск, несомненно принадлежавший в 1454 г. кн. Василию.

Зато отсутствие Дмитрова в Записи легко объяснимо: около конца 1454—начала 1455 г. Дмитров был передан в удел сыну Василию II Юрию.⁴¹ В Записи отсутствует Бежецкий верх, который получил Василий Ярославич после ликвидации удела Ивана Андреевича летом 1454 г. По мнению Г. В. Семенченко, это свидетельствует о том, что Запись была составлена до докопчания Василия II с серпуховским князем, закрепившего переход Бежецкого верха к Василию Ярославичу. Об этом, на его взгляд, говорит и упоминание в Записи Рузы (раздел наследия Шемяки также закреплен только договором 1454 г.).⁴² Мне представляется, что отсутствие Бежецкого верха можно объяснить особым характером суда и управления в этом краю, который был волостью Новгорода и великого князя. Бежецкий верх просто не тянул душегубством к Москве, во всяком случае до Яжелбицкого докопчания 1456 г.⁴³ Руза же могла тянуть к Москве безотносительно к обстоятельствам середины XV в., как тянули ранее другие владения галицких князей по соседству с ней (Звенигород и дмитровские волости). Возможно, некоторые особен-

³⁸ ДДГ, № 29, с. 74.

³⁹ По мнению Г. В. Семенченко, указанные волости попали к Василию Ярославичу, так как это связано «с претензиями на них серпуховского правителя» (Семенченко Г. В. Указ. соч., с. 57). А. Л. Хорошкевич считает, что «вопрос об административной принадлежности этих волостей в начале 30-х годов, вернее в 1432—1434 гг., был спорным» (Хорошкевич А. Л. Указ. соч., с. 197).

⁴⁰ ДДГ, № 89, с. 360.

⁴¹ Назаров В. Д. Дмитровский удел в конце XIV—середине XV в. — В кн.: Историческая география XI—начала XX в. М., 1975, с. 60. — Уже 3 февраля 1455 г. он выдавал жалованные грамоты на Дмитров (АСЭИ. М., 1958, т. II, № 163, с. 98—99). Г. В. Семенченко полагает, что Василий Ярославич мог считать компенсацию за Дмитров (Звенигород) «недостаточной» (Семенченко Г. В. Указ. соч., с. 57). Это чистое умозрение.

⁴² Семенченко Г. В. Указ. соч., с. 57.

⁴³ По жалованной грамоте Василия II 15 мая 1457 г. судят там только великокняжеские наместники без участия посадников (АСЭИ. М., 1952, т. I, № 278, с. 199).

сти Записи следует объяснять скорее традицией, чем конъюнктурой. То же относится к упоминаемым в Записи селам.⁴⁴

О традиционности основных норм Записи говорит и прямая перекличка ее с докончанием Василия I с серпуховским князем Владимиром Андреевичем: «А которые суды потягли к городу из наших волостей и ис твоих при наших отцах, а те суды судят наши наместники по тому ж, как было и доселе».⁴⁵ Осенью 1432 г. Василий II совместно с Константином Дмитриевичем, Михаилом и Иваном Андреевичами заключил докончание с внуком кн. Владимира Василием Ярославичем. В нем читаем сходный текст: «А что, господине, суды потягли к городу из наших волостей и из моих при твоём деде, при великом князе, и при твоём отце, при великом князи, и те суды судят наши наместники по тому ж, как было преж сего».⁴⁶

Запись о душегубстве была как бы дополнением к очередному докончанию Василия II с Василием Ярославичем. Составленная скорее всего около начала 1455 г. (не позднее лета 1456 г., когда серпуховской князь был «пойман»), она говорила о порядке судопроизводства в городах и волостях Василия Ярославича, тянувших судом по делам о душегубстве к Москве, а также в некоторых владениях великого князя, имевших удельную традицию.

По принятому в литературе делению Запись о душегубстве состоит из десяти статей.

Ст. 1 определяет круг городов и волостей, которые тянут душегубством к Москве. В ст. 2 устанавливаются судебные округа в столице и приписываются к ним некоторые подмосковные села. Ст. 3 рассматривает порядок судопроизводства по делам москвичей с жителями подмосковных сел. Если преступника поймали «за поличным», то судит наместник вместе с судьей, а если поличного нет, то «судить и казнить болшей наместник». В ст. 4 регламентируются судебные штрафы и пошлины. Здесь же судебные «прибытки» распределяются между большим наместником, третником и тиунами. В Москве тогда были большой наместник (на великокняжеской трети) и два удельных третника (один на трети Владимира Андреевича, принадлежавшей Василию Ярославичу, другой — на трети кн. Михаила Андреевича, который обладал «годом» в третьей трети).

⁴⁴ Упомянутое в записи с. Семчицкое великая княгиня Софья (до августа 1452 г.) завещала внуку Юрию (ДДГ, № 57, с. 176). И в данном случае мы встречаемся с традицией, связанной с подсудностью владений великой княгини большому наместнику. Ногатино также принадлежало вдове кн. Владимира, с. Островское — Василию II (№ 22, с. 60). С. Сущевское кн. Юрий завещал вместе с Суходолом Дмитрию Меньшому (№ 29, с. 74). С. Коломенское еще около 1450 г. принадлежало великому князю (№ 56, с. 170). То же самое было и около 1454 г. (№ 58, с. 181). Перешло оно к нему по завещанию вдовы Владимира Андреевича (№ 28, с. 72).

⁴⁵ ДДГ, № 13, с. 38.

⁴⁶ Там же, № 27, с. 70.

Ст. 5 распространяет общий порядок судопроизводства на дела тех москвичей, которых поймают с поличным в столице. По «пенным делам» (наказывавшимся штрафом, при отсутствии поличного), согласно ст. 6, судит большой наместник без участия третников.

Ст. 7 вызвала в литературе оживленный обмен мнениями. Она гласила, что «по старине бывало, что все дворы и дворцовые великие княгини и удельных князей всех суживал наместник болшей, судии за ним не бывало; а учинила то княгини великая Софья при Иоане при Дмитриевиче, что судья за ними ставится». Это — историческая справка о том, как сложился порядок судопроизводства, изложенный в Записи. По мнению М. Н. Тихомирова, «реформа Софьи Витовтовны сводилась к тому, что она подчинила наместничьему суду все городские дворы без изъятия, в том числе дворы городских удельных князей, чем нарушались права последних. Переход всех дворов под судебную власть большого наместника должен был вызвать недовольство удельных князей как шаг, направленный к умалению их феодальных прав. Следовательно, этот переход надо учитывать как один из поводов к феодальной войне середины XV в.».⁴⁷

Полемизируя с М. Н. Тихомировым, Л. В. Черепнин заметил, что «источник говорит несколько иное: действия И. Д. Всеволожского свелись не к ограничению прав удельных князей, а к их расширению за счет умаления прав большого наместника».⁴⁸ Отсюда Л. В. Черепнин сделал вывод, что нововведение великой княгини Софьи «было осуществлено в интересах удельных князей».⁴⁹

В эти построения можно внести некоторые коррективы. В конце 20-х — начале 30-х гг. XV в. правительство Василия II, борясь с претензиями на великокняжеский престол Юрия Дмитриевича, стремилось сплотить вокруг Москвы коалицию удельных князей (в нее входили в разное время Андрей, Петр и Константин Дмитриевичи, Иван и Михаил Андреевичи и Василий Ярославич). Поэтому уступка, сделанная Софьей Витовтовной в их пользу, была направлена в конечном счете к обеспечению единодержавия Василия II, и нет достаточных оснований считать ее однозначно «реакционной». Во всяком случае основные положения реформы сохранялись на протяжении всей феодальной войны. Только по духовной Ивана III (1503 г.) дела о душегубстве или о воровстве с поличным судились одним большим наместником без участия представителей удельной администрации.⁵⁰

⁴⁷ Тихомиров М. Н. 1) Древняя Москва. М., 1947, с. 81—82; 2) Средневековая Москва в XIV—XV вв., с. 95—96.

⁴⁸ Черепнин Л. В. Указ. соч., 1948, ч. 1, с. 354.

⁴⁹ Черепнин Л. В. 1) Русские феодальные архивы, ч. 1, с. 353; 2) Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, с. 755—756.

⁵⁰ ДДГ, № 89, с. 361. — Н. Д. Мец считала митрополита Фотия сторонником единодержавия, а Всеволожского — защитником интересов удельных

Последние три статьи Записи относятся к частным случаям (суд в с. Озерецком,⁵¹ по делам о тверичах и суде, когда на Москве не будет удельного князя).

Таково содержание этого примечательного памятника права середины XV в. Его основные положения были в дальнейшем широко использованы в правовой традиции конца XV—середины XVI в. и обнаруживаются даже в ст. 100 Судебника 1550 г.

В. М. ПАНЕЯХ

УКАЗ, ИЗДАННЫЙ РАНЕЕ 30 МАЯ 1641 г. (26 АВГУСТА 1640 г.?), ОБ УСЛОВИЯХ И ПОРЯДКЕ ОФОРМЛЕНИЯ СЛУЖИЛЫХ КАБАЛ, ССУДНЫХ КРЕСТЬЯНСКИХ ЗАПИСЕЙ И ЖИЛЫХ ЗАПИСЕЙ

Законодательство о холопах первой половины XVII в. сохранилось неравномерно. За первое десятилетие XVII в. оношло в составе отрывка указной книги Приказа Холопьего суда (1597—1609 гг.) едва ли не полностью. Последующий период представлен лишь случайно и фрагментарно сохранившимися отдельными указами (порой в отрывках) в составе указных книг других приказов, Соборного уложения 1649 г. и приказных памятей. В числе последних — недостаточно изученный указ, обнаруженный и опубликованный без заголовка и с незначительными сокращениями А. И. Яковлевым, который датировал его условно (поставив при дате вопросительный знак) 1641 г.¹ Впро-

князей. Поэтому она датировала реформу Софьи — Всеволожского времем, последовавшим за смертью Фотия, т. е. 1431—1432 гг. (*Мец Н. Д. Монеты великого княжества Московского (1425—1462)*. — В кн.: Нумизматический сборник. М., 1974, часть третья, с. 46). Нам это построение (относящееся к Всеволожскому) представляется ошибочным. Поэтому отпадает и предложенная Н. Д. Мец дата реформы.

⁵¹ Озерецкие села Василий II завещал своей жене (ДДГ, № 61, с. 196).

¹ «Лета 7149-го мая в 30 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу память дьяку Пантелею Чирикову. В Приказ Холопьего суда к Степану Ивановичю Исленьеву, да к дьяком к Роману Булыгину, да к Михаилу Патрикееву в памяти за твоею Пантелеевою приписью написано: велети б отписать к тебе в Устюжскую четверть по государеву указу в городех воеводам и приказным людем, розных чинов людем, на волных людей служилые кабалы и гостинные и суконные сотен торговым людем жилые записи давать велено ль? и каких чинов людем служилые кабалы и житейские записи велено давать? и по чему с тех кабал и з житейские записей по государеву указу пошлины велено имать? И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу ис Приказу Холопьего суда посланы государевы грамоты в городы к воеводам и к приказным людем, которые грамоте умеют, а велено им, дворяном и детем боярским, давать па волных